

ВОЙНА ЦѢНА ОТД. № ВЪ РОЗН. ПРОДАЖЪ 25 К. И НА СТ. ЖЕЛ. ДОР. 30 К. НОВЫЙ САТИРИКОН

306
1917 N

№ 10

ЕЖЕНЕДѢЛЬНОЕ ИЗДАНИЕ

1917
2 МАРТА

Рис. К. Груса.

РАЗРѢШЕНІЕ ПРОДОВОЛЬСТВЕННОГО КРИЗИСА.

— Моя полиція такъ хорошо работаетъ, что скоро въ Берлинѣ не останется ни одного голоднаго человѣка.

Т Р О Е.

I.

Молодой Рабинович ушел от папы и мамы
За два года почти до появления усовъ.
— Не держите, — говорит, — меня на днѣ ямы,
Которую вы напыщенно зовете магазиномъ часовъ...
Въ магазинѣ часовъ, какъ выброшенной на берегъ рыбки,
Мнѣ гадко и противно — одно изъ двухъ:
Я желаю въ столицѣ играть на скрипкѣ,
Чтобы гения моего музыкальнаго проявить духъ.

II.

Поэтъ Валерій ушелъ отъ мамы и папы...
— Я послушно прозябалъ, — говорит, — до этихъ поръ,
Но жизни губернской пошла лапа
Мнѣ изранили сердце — и вотъ спѣшу на просторъ.
Мамочка! Останься меня не проси — и
Не пытайся привязать меня къ ненавистой Уфѣ.
Бду взлеты переживать на страницахъ «Солнца Россіи».
Бду бездны паденья узнать за стаканомъ чаю въ кафе.

III.

Маруся Сорокина ушла отъ папы и мамы.
— Мнѣ, — говорит, — надоѣло все шить да шить:
Желаю, — говорит, — попасть въ шикарныя дамы,
Доушиться, пудриться и съ разными мужчинами жить.
До шестнадцати лѣтъ я томила у васъ въ клѣткѣ,
Теперь довольно, не останусь тутъ,
Пусть безъ меня вышиваетъ мамаша мѣтки,
И переживетъ въ наказанье горечь одинокихъ минутъ.

V.

По Варшавской, Николаевской и Царскосельской дорогамъ,
Прибыли въ Питеръ въ одинъ и тотъ же день.
И Рабиновичъ увѣренный, и поэтъ, отмѣченный Богомъ,
И Маруся легкомысленная, которой работать лѣнь.

V.

Черезъ недѣлю Валерій съ Марусей сидѣли за чаемъ,
Рабиновичъ на скрипкѣ игралъ въ томъ же кафе,
Поэтъ записывалъ: «Красоту мы страдаемъ вѣнчаемъ,
А искусство — жестокое ауто-да-фе».
Яркія лампы голубыя бросали пятна,
Въ потолокъ электрической вентиляторъ виль.
И Маруся, и Рабиновичъ, и Валерій — обратно
Всѣ хотѣли уѣхать, но путь отрѣзаннымъ былъ.

VI.

А въ глубинахъ провинціи, въ осеннюю слякоть,
И весной, и лѣтомъ, и въ зимній морозъ,
Приходили старики какіе-то на вокзалы плакать,
Слушая тревожно, какъ вдали гудитъ парозозъ.

Валентинъ Горянскій.

РѢЧЬ ДЕПУТАТА ПУЛЯКОВА

(Лирической разсказъ Арк. Бухова.)

Объ этомъ узнали всѣ домашніе въ началѣ января:
— Когда откроется Дума, Иванъ Харитоновичъ будетъ
говорить...

Отъ этого всѣмъ прибавилось много заботы. Жена бѣ-
гала по магазинамъ и выискивала самую теплую кашну, что-
бы предохранить горло Ивана Харитоновича отъ простуды.
Старая кухарка стала кормить его только бѣлымъ мясомъ.

— Съ чернаго мяса мысль плохая, — пояснила она на
семейномъ совѣтѣ. — У насъ въ деревнѣ лавочникъ жралъ-
жралъ баранину, а потомъ пошелъ да топоромъ дѣтей зару-
билъ. Съ курицы сердце добрѣетъ.

Канарейки въ клѣткахъ, купленныхъ съ того момента,
когда Иванъ Харитоновичъ окончательно примкнулъ къ ка-
детамъ, даже онѣ, подчиняясь общему настроенію, перестали
пѣть и только когда убѣждались, что хозяина нѣтъ дома,
высвистывались на цѣлую недѣлю авансомъ. О такомъ стар-
ромъ другѣ дома, какимъ являлся рыжий понтеръ Чубукъ,
нечего и говорить. Онъ не лаялъ даже тогда, когда замѣ-
чалъ, что у мальчишки изъ магазина есть явное желаніе
стасить изъ кухни чайное полотенце. Чубукъ терпѣливо
выжидалъ законныхъ семи часовъ, когда его выводили на
протулку и, забившись гдѣ-нибудь на заднемъ дворѣ за вы-
гребную яму, вылаивалъ всѣ свои собачьи соображенія. Во-
обще это была прекрасная собака для кадетовъ: если у хо-
зяина собирались партійные товарищи и кто-нибудь произно-
силъ фамилію Керенскаго, Чубукъ хмуро рычалъ и грызъ
коверъ и, наоборотъ, съ сознаниемъ долга радостно вертѣлъ
хвостомъ, когда ему предлагали кости на обрывкѣ «Рѣчи».

Вся домовая администрація не знала покоя съ того мо-
мента, когда стало извѣстно, что Иванъ Харитоновичъ вы-
ступитъ съ большой рѣчью въ Думѣ. Выселяли беспокойныхъ
квартирантовъ, уменьшили практику зубному врачу, у ко-
торого слишкомъ кричалъ пациентъ, сдѣлали выговоръ швей-
цару, который еще въ прошломъ году ушелъ по призыву и
оставилъ послѣ себя неумѣлаго замѣстителя.

А въ сосѣдней мелочной лавкѣ собирались прислуги и,
ведя продовольственные переговоры, прибѣгали къ новому
лѣтоисчисленію:

— Сегодня, значитъ, третье, такъ мнѣ крупы не надо.
А вотъ такъ дня черезъ три послѣ рѣчи Ивана Харитонѣвича,
фунтиковъ семь приготовьте. У меня чивой-то плечо ломить.
Поиди, къ рѣчи Ивана Харитоновича пройдетъ...

Больше того. Одинъ романистъ, предпринимая большую
историческую трилогію, первую главу началъ:

— Это было въ четвергъ, въ день до произнесенія зна-
мѣнитой рѣчи Пулякова — одиннадцатый.

Передовики большихъ газетъ писали объ этомъ просто
и государственно:

— Мы уже предупреждали сѣверную Корею о теченіяхъ
въ политикѣ мексиканскихъ передовыхъ круговъ. Неужели
же нужно еще дожидаться рѣчи депутата Пулякова, чтобы
правительство Кореи могло...

О товарищахъ по фракціи, я не упоминаю. Даже Павелъ
Николаевичъ Милуковъ осторожнымъ движеніемъ отложилъ
въ сторону проливы и задумчиво сказалъ:

— Что-то Пуляковъ произнесетъ? Въ концѣ концовъ,
проливы я себѣ вытребую, войну безъ побѣды кончить не
позволю, а послушать Пулякова необходимо.

Правда, Павелъ Николаевичъ немного боялся, что Пу-
ляковъ потребуетъ еще штукъ шесть-семь новыхъ проли-
вовъ и не позволитъ окончить войну безъ присоединенія
Штутгарта къ Рязанской губерніи, но оба были кадетами, а
это уже обязывало. Боюсь, что мнѣ не повѣрятъ, но за че-
тыре дня до этого Раисова даже отказалась отъ концерта.

— Какъ же можно, — сказала популярная исполни-
тельница цыганскихъ романсовъ, — черезъ три дня Пуля-
ковъ произнесетъ свою знаменитую рѣчь, а я сегодня буду:
«Живо, живо, подай бутылку пива...»

Старые паралитики на смертномъ одрѣ продляли искус-
ственнымъ образомъ свою жизнь, чтобы прочитать въ га-
зетахъ рѣчь Пулякова и умереть уже спокойно.

Самоубійцы оставляли краткія записки:

«Похоронить рядомъ съ конторой газеты «Рѣчь».

Редакторъ этой уважаемой газеты даже сталъ уважать

русскую литературу, узнавъ, что фамилия Пушкина тоже начиналась на П., какъ и фамилия Пулякова.

Биржа колебалась.

Основываясь на рѣчи Пулякова, акціонерныя общества устраивали спѣшныя засѣданія и прибавляли дивиденды.

Даже выработался терминъ:

«Я сегодня на Пуляковѣ плюсъ четыре сдѣлалъ».

Опять обращаюсь къ довѣрію: передавали, что на Охтѣ или на Лахтѣ въ одномъ саду при богадѣльнѣ даже зацвѣла прогрессивная груша, покрылась душистыми цвѣтами, причемъ отъ кадетскаго блока прибыла даже особая депутація понюхать цвѣты. Понюхавъ, уѣхала.

Ахъ, сколько было необычайныхъ явленій. Нѣтъ у меня такой силы таланта и увѣренности въ довѣріи ко мнѣ читателей, чтобы передать это своими словами.

Скажу просто: въ тотъ день въ Думѣ въ списокѣ ораторовъ стояла только одна фамилія: Пуляковъ. Послѣ нея дрожащей рукой была поставлена большая жирная точка и больше ничего.

Кто же найдется изъ депутатовъ, кто хотѣлъ бы выступить послѣ или до той рѣчи, о которой говорили вслухъ, начиная отъ эскимосскаго ресторана и кончая зарослями джунглей.

Родичевъ рѣшительно отказался выступить въ этотъ день.

— Что вы, что вы... Передъ Пуляковымъ? Чтобы потомъ меня сравнивали съ нимъ и говорили о погибшемъ ораторскомъ талантѣ... Будете упрашивать—уйду всей семьей въ октябристы. Или во фракцію націоналистовъ съ моста брошусь. Лучше не трогайте...

Даже самъ Чхеидзе грустно махнулъ рукой и, горько улыбувшись, заявилъ:

— Послѣ Пулякова? Я? Оставьте ваше мелкобуржуазное предложеніе.

Стоитъ ли говорить, но и Манусевичъ-Мануйловъ просилъ отложить его процессъ, такъ какъ ему хотѣлось бы въ спокойномъ состояніи прочесть рѣчь Пулякова...

И вотъ наступила торжественная минута. Начиная отъ Родзянко и кончая секретаремъ сіамскаго посольства въ дипломатической ложѣ, всѣ поблѣднѣли и замерли отъ волненія.

Очевидцы передаютъ, что когда предсѣдатель хотѣлъ позвонить въ колокольчикъ, у того онѣмѣлъ языкъ.

На трибунѣ появился Пуляковъ. Голосомъ прекраснаго тенора онъ произнесъ:

— Господа! Знаете ли вы Астраханскую губернію?

Справа кто-то въ видѣ протеста противъ прогрессивнаго блока крикнулъ: «Нѣтъ! И не надо ее!»

— Прекрасное начало, — зашептали въ центрѣ, — прямо средне-европейское начало...

Слѣва поморщились, но рѣшили ждать. Одинъ изъ эсде попробовалъ, свободно ли отдирается крышка отъ пюпитра.

— А знаете ли вы, господа, что въ Астраханской губерніи есть Тюрмотютюнскій уѣздъ?

Тутъ голосъ Пулякова окрѣпъ еще больше, глаза загорѣлись пророческимъ огнемъ, лобъ прорѣзала морщина, и гнѣвная рѣчь огласила своды Таврическаго дворца.

— А знаете ли всѣ, собравшіеся сюда, что въ Махаринской волости Тюрмотютюнскаго уѣзда, въ волостномъ правленіи выбито неизвѣстнымъ камнемъ стекло и мѣстныя власти до сихъ поръ еще не ассигновали суммы на его вставленіе? Знаете ли вы это?.. Я вношу запросъ объ этомъ и поддерживаю его срочность...

Это было въ тотъ самый день, когда даже Павелъ Николаевичъ Миллюковъ рѣшилъ немного подождать съ проливами, безъ которыхъ у него очень плохое настроеніе.

Аркадій Буховъ.

ВЪ ПЕРЕПОЛНЕННОМЪ ТРАМВАѢ.

... Кто-то толстый, потный, пыльный грузно виснетъ на рукѣ.

Я — раздавленный, безсильный затерялся въ уголкѣ.

Ходуномъ идетъ «прицѣпка». Трескъ и тряска — мочи нѣтъ! Справа стѣнка, слѣва крѣпко жметъ объемистый брюнетъ.

— Бога ради. Не давите... Я вамъ, сударь, не костыль...

— Что жъ? Не нравится, купите, чортъ возьми, автомобиль... А за гривенникъ въ трамваѣ, да съ удобствами—шутникъ!

Мой брюнетъ суетъ, зѣвая, носъ въ облѣзлый воротникъ.

... Брюхи, плечи, торсы, бюсты — безъ начала, безъ конца, и надъ ними, будь вы пусты: ни одинаго лица.

Разбери: куда, откуда, кто, зачѣмъ и почему?! Просто груда — мяса груда и костей — изъ тьмы и въ тьму. Безпричинно и безцѣльно отъ двери ползетъ къ двери... Да отдѣльно-то, отдѣльно, кто вы, дьяволь васъ деритъ?!

Тщетно пробую, натужаясь, приподняться и взглянуть — и невольно черный ужасъ заползаетъ въ мозгъ и въ грудь.

Нѣту лицъ! Пальто, и спины, и бока, и животы...

Эти круглы, эти длинны, всѣ толсты и всѣ пусты.

И въ углу — раздавленъ массой облеченныхъ въ сукна мясъ — я, безвольный, я, безгласный, пріоткрытъ не смѣю глазъ...

Трескъ и тряска. Гулъ сторотый. Ёдемъ, ёдемъ — мочи нѣтъ! Я давлюсь тоской и рвотой:

Явь ли? Бредъ ли? Тьма ли? Свѣтъ?

Только чувствую, томимый безпричинной схваткой зла, какъ ползутъ, нагадивъ, мимо безголовыя тѣла, какъ спѣшать смѣнить другъ друга, и течетъ изъ бреши въ брешь, заколдованнаго круга заколдованный кортежъ...

Вдругъ...

И сердце потонуло...

Тѣсно сомкнуто кольцо...

Что-то теплое скользнуло и вдавилось мнѣ въ лицо...

И безволенъ, робокъ, жалокъ, зъ уголь втиснутый, безъ силъ — аромат лѣсныхъ фіалокъ я вдохнулъ и ощутилъ. То сплелись — легки и хрупки — въ терпкомъ запахѣ лѣсовъ ароматы муфты, шубки, женской кожи и духовъ...

Я открылъ глаза. Я снова человекъ. И страха нѣтъ. Что за важность, что сурово заворочался сосѣдь! Что, притиснутый, сквозь зубы сухо цѣдитъ «подлеца»... Вижу, вижу: вонъ сверкаетъ абрисъ нѣжнаго лица. И смотрите, какъ намокъ онъ — каждый волосъ къ волоску — свѣтлый, нѣжный, милый локонъ, робко липнуцій къ виску...

Прижимаюсь къ муфтѣ, къ шубкѣ и, скосясь на чей-то торсъ, словно губки, словно губки, я цѣлую влажный ворсъ.

Толкотню — другіе, сѣтуй! — я готовъ благословлять... За пушистой муфтой этой — какъ за стѣнкой. Благодарать!

Вдругъ исчезли на мгновенье (я готовъ любить судьбу!) безусловныя стѣсненія и условныя «табу». Новый смыслъ во взглядахъ новыхъ. Я — ослѣпъ или прозрѣлъ? Нѣтъ безглазыхъ, безголовыхъ, какъ ушатъ брюхатыхъ тѣлъ. Можно робко любоваться тонкимъ абрисомъ лица...

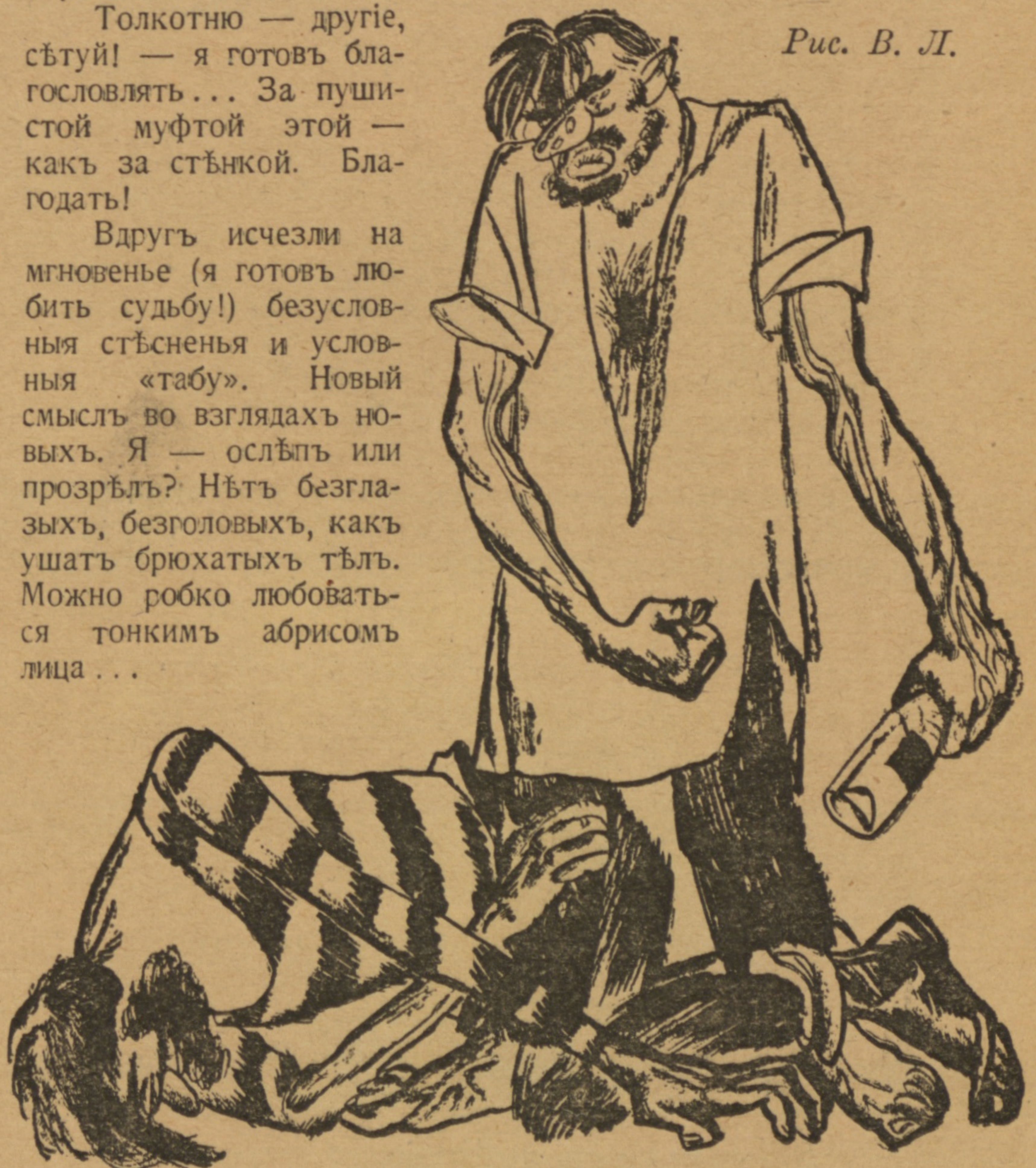
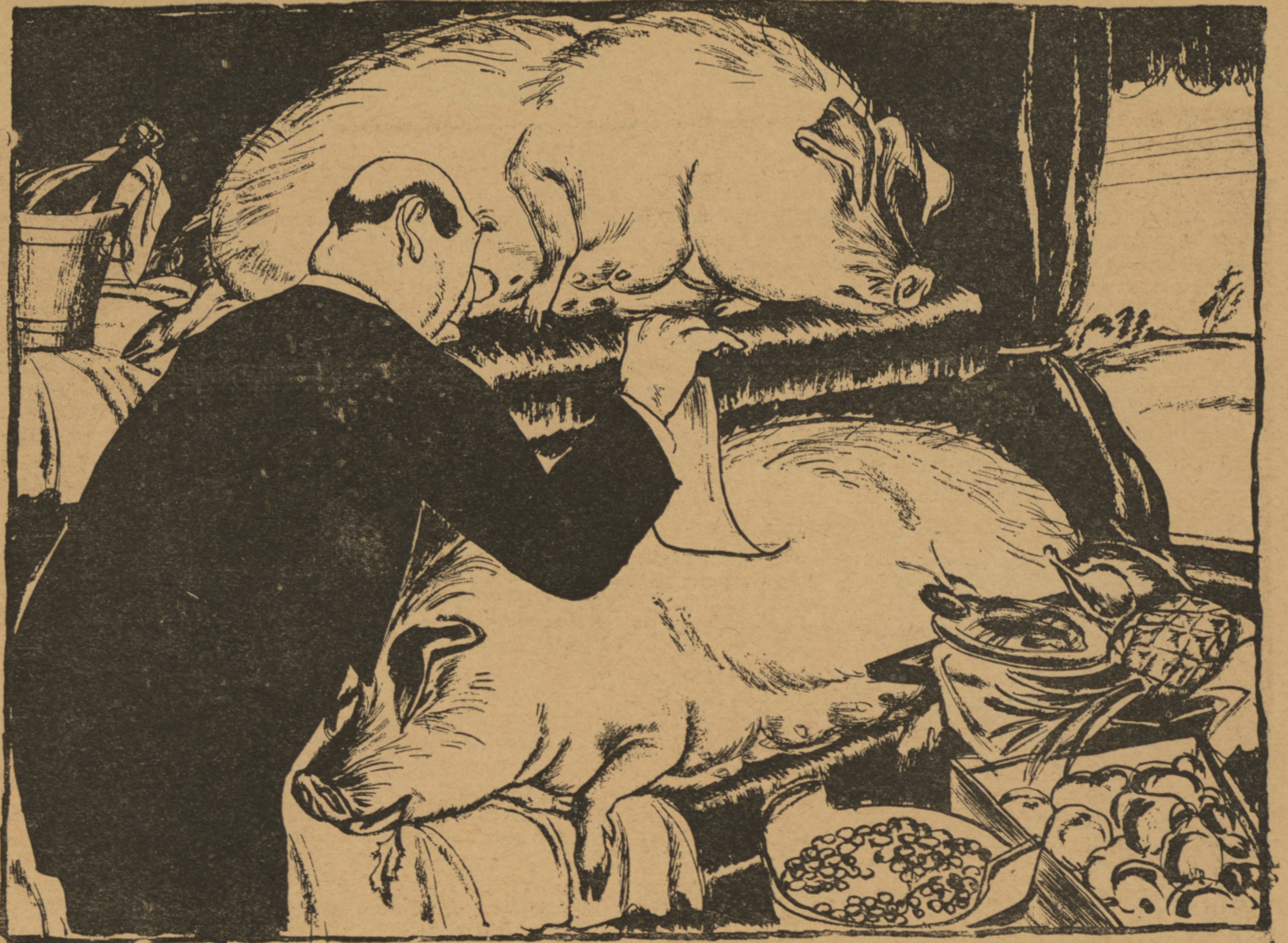

Рис. В. Л.

КАКЪ ПОНИМАТЬ?

— Господи, какой хрупкій организмъ: отъ одной бутылки можетъ свалиться.

„Доставка каждой свиньи, выписанной в Петроградъ городскимъ управленіемъ, обошлась в 275 рублей“. (Изъ газетъ.)

КАКЪ ОНЪ ЪХАЛИ...

Свинья: — Послушайте, голубчикъ, скажите тамъ проводнику: этотъ кабанъ такъ храпитъ, что не даетъ мнѣ уснуть! Пусть переведутъ меня въ дамское купѣ.

Если бь такъ вотъ мчаться, мчаться, мчаться, мчаться безъ конца!

Позабыть трамвай проклятый, черепаший ходъ минутъ... Эй, ямщикъ!.. То бишь, вожатый... Шибче, шибче, лысый шутъ! Шибче, шибче! Къ чорту въ зубы осторожность и решпектъ!

Вдругъ толчокъ. И хриплый, грубый, низкій басъ:
— Ба-альшой проспектъ.

— Сударыня! Будьте добры посторониться! Какъ-нибудь же я долженъ выйти — не ѣхать же мнѣ изъ-за васъ до Финляндскаго!

А. д'Актиль.

ЗАГАДКИ.

Зеленый абажуръ топилъ въ прозрачныхъ водахъ
Ту комнату, гдѣ были вы и я,
И муфта сѣрая моя
У васъ въ рукахъ казалась горстью мха,
И вы смѣялись надъ капризной модой,
Которая творить причудные мѣха.
Зеленый абажуръ зажегъ у васъ въ глазахъ
Два изумруда, будто двѣ лампадки.
Я знала, что гасить ихъ мнѣ нельзя,
Что надо вѣрить неразгаданной загадкѣ.
Намъ не хотѣлось говорить о томъ,
О чемъ молчать такъ было сладко,
О чемъ мерцали тихія лампадки, —
И мы молчали. Но потомъ —
На сѣрой муфтѣ, какъ на ласковой подушкѣ,
Твоя рука разсыпала шелка моихъ кудрей,

И ты просилъ: «Ласкай меня, согрѣй», —
И я рубиномъ жгла опаловыя ушки.
Я погасила тихія лампадки,
Я розу красную зажгла,
И разгадала
Алая
Кощунствѣнная мгла —
Всѣ загадки.

Лидія Лѣсная.

ПЕРЬЯ ИЗЪ ХВОСТА.

„Журналъ-Журналовъ“, какъ говорили издатели добраго стараго времени:

— „Обильно иллюстрированъ“.

Но это иллюстрированіе напоминаетъ дѣятельность Ноздревскаго повара:

„Поваръ руководствовался болѣе какимъ-то вдохновеніемъ и клалъ первое, что попадалось подъ руку: стоялъ ли возлѣ него перецъ — онъ сыпалъ перецъ, капуста ли попала — совалъ капусту, пичкалъ молоко, ветчину, горохъ, — словомъ: катать-валяй, было бы горячо, а вкусъ какой-нибудь, вѣрно, выйдетъ“.

„Журналъ-Журналовъ“, дѣйствительно, подаетъ горячо, но вкусъ получается какой-то странный...

Напримѣръ, совсѣмъ недавно снимокъ съ Микель-Анджеловской статуи „Моисей“, находящейся въ Римѣ, журналъ съ легкимъ сердцемъ подписалъ: „Императорскій Эрмитажъ“.

Конечно, это очень патриотично — обогащать русскіе музеи такими сокровищами, но...

...А я бы повару иному
Велѣлъ на стѣнкахъ зарубить
Что не хорошо обкрадывать итальянцевъ.

Журналъ „Родная Нива“ въ статьѣ о воздухоплаваниі въ двухъ мѣстахъ сообщаетъ, что въ 1896 г. впервые полетѣлъ аэродромъ (?) Для журнала, очевидно главное, чтобы было „аэро“... А дромъ будетъ дальше или планъ — это пустячная деталь.

Б Е Л Ъ Г І Я...

Рис. К. Груса.

ВАРВАРСКИЙ СПОСОБЪ ВЕДЕНИЯ ВОЙНЫ.

— Слышишь, слышишь? Опять из русских окопов потянуло запахом свѣжаго жаренаго мяса и каши съ масломъ!

— Чортъ ихъ возьми! Неужели, они не понимаютъ, что это еще мучительнѣе, чѣмъ наши атаки душливыми газами?!

КАНИТЕЛЪ.

Разсказъ Арк. Аверченко.

— Подсудимый Шишкинъ! За что вы ударили палкой по темени потерпѣвшаго Мирона Звякина?

— За то, что онъ, господинъ судья, непочтительно отозвался о моей женѣ.

— Какъ же онъ о ней отозвался?

— Онъ назвалъ ее «женственной».

— Да позвольте?! Развѣ же это обида для женщины, если назвать ее женственной?

— А что жъ, по-вашему, комплиментъ, что ли?

— По-моему, комплиментъ.

— Мерси васъ за такое юридическое постановленіе. А я нахожу, что это обида — назвать человѣка женственной...

— Почему же?!

— Потому что женственная, это я понимаю, что на самомъ дѣлѣ значитъ... это значитъ: дура.

Это жестокое опредѣленіе могло бы быть поставлено даже, какъ эпиграфъ къ моему разсказу, но я не хочу дѣлать этого, потому что не въ моихъ правилахъ обижать женщинъ.

Лучше и справедливѣе будетъ, если я искренно, просто и безъ утайки разскажу все, что знаю объ отношеніяхъ Софьи Григорьевны къ Матильдѣ Леонидовнѣ...

Первое мое знакомство съ ними произошло у Перезовыхъ. Меня подвели къ живописной группѣ, состоящей изъ двухъ женщинъ, при чемъ брюнетка положила голову на плечо свѣтловолосой, а свѣтловолосая нѣжно держала узкую красивую руку брюнетки въ своихъ пухлыхъ ручкахъ.

Въ нихъ было много женственности, въ этихъ двухъ очаровательныхъ куколкахъ.

— Очень пріятно, — ласково признался я. — Я вижу, что вы обѣ очень дружны?

— О-о! — засмѣялась блондинка. — Если я узнаю, что вы обидѣли Софью Григорьевну, я вамъ носъ откушу.

— Если бы вы осмѣлились, хоть взглядомъ оскорбить при мнѣ Матильду Леонидовну, — поддержала брюнетка, цѣлуя подругу въ щеку, — я бы вамъ выколола оба глаза своей шляпной булавкой!

— Да, я вижу, что ссориться мнѣ съ вами не расчетъ. Давайте лучше дружить.

Обѣ залились жемчужнымъ смѣхомъ:

— Дайте. Мы любимъ такихъ простыхъ ребятъ, какъ вы.

Я отвѣтилъ не менѣе пріятливо:

— Дѣвицы, подобныя вамъ, всегда были близки моему измученному сердцу.

— Мы не дѣвицы. Мы дамы.

— Успѣли уже, — удивился я. — И кто васъ такъ гонитъ, не понимаю. Мужья-то хорошіе, или какъ?

— У Сонечки мужъ хорошій, — сказала Матильда Леонидовна, — а мой такъ себѣ.

— Тилли! И тебѣ не стыдно такъ говорить о своемъ мужѣ? Не вѣрьте ей, у нея мужъ тоже хорошій.

— Нѣтъ, ужъ я лучше буду вѣрить. Такъ какъ Матильда Леонидовна говоритъ, что ея мужъ «такъ-себѣ», то я съ этого момента начинаю за ней ухаживать, хи-хи.

— Соня, — обернула къ подругѣ Матильда Леонидовна свое розовое, какъ весенній закатъ, личико. — Можно, чтобы онъ за мной ухаживалъ?

— Можно, — милостиво согласилась Софья Григорьевна.

Мы всѣ трое сплели наши руки, и съ того времени я всѣмъ сердцемъ прилѣпился

къ этимъ милымъ добросердечнымъ бездѣлушкамъ.

Черезъ недѣлю я былъ уже у Матильды Леонидовны своимъ человѣкомъ: возилъ съ ея крохотной дочкой, доставалъ билеты въ театръ и, если не видѣлся съ ней каждый

день, то по телефону мы разговаривали утромъ, въ обѣдъ и вечеромъ.

Однажды звоню.

— Алло! Это вы, Матильда Леонидовна?

— Я. Кто говоритъ?

— Завѣдующій Воспитательнымъ домомъ. У насъ освободилась вакансія. Не отдадите ли свою дочку?

— А, чтобы васъ дождемъ намочило! Не можете безъ глупостей. Здравствуйте. Послушайте... У меня плохое настроеніе, и мнѣ скучно.

— Ваша скука нынче же будетъ истерзана, разорвана въ клочки и развѣяна по вѣтру. У меня есть ложа въ циркѣ — хотите?

— Вотъ это мысль! — обрадовалась Матильда Леонидовна. — А кто будетъ?

— Кромѣ насъ? Софью Григорьевну сманю и брата Перезовой.

Маленькая пауза.

— Ахъ, такъ... Да-а... Но тамъ, вѣроятно, въ ложѣ вчетверомъ тѣсно? Нѣтъ, ужъ поѣзжайте лучше безъ меня.

— Да вѣдь ложа на четыре персоны?!!

— Да-а... На четыре. Ну, возьмите кого-нибудь четвертаго. Мадамъ Перезову, что ли...

— Однако, вѣдь вы хотѣли поѣхать?

— Хотѣла, а теперь раздумала.

— Въ чемъ дѣло?!

— Отстаньте! Если бы вы знали, какъ вы мнѣ всѣ надоѣли!!

Трескъ. Отбой.

Странно.

Вызываю другой номеръ:

— Это Софья Григорьевна?

— Да. Кто говоритъ?

— Агентъ сыскаго отдѣленія. Послушайте, Софья Гри-

горьевна. Что побудило васъ срѣзать ридикюль у купеческой вдовы Талдыкиной? Вы сознаетесь въ этомъ?

— Что-о-о?.. Фу, ты, какъ вы ловко мѣняете голосъ! Здравствуйтесь. Что подѣлываете?

— Сажу дома, пью чай. Сейчасъ только бесѣдовалъ съ вашимъ другомъ.

— Съ кѣмъ?

— Да съ Матильдой же Леонидовной.

— А-а... А вы все еще ея вѣрный рыцарь? Удивляюсь, какъ это она позволяетъ вамъ звонить ко мнѣ.

— Тетенька, что съ вами? Откуда такія слова?! Вѣдь Матильда Леонидовна такъ васъ любитъ...

— Ахъ, слушайте, не будьте ребенкомъ! «Любить, любить». Я была такая же глупая, какъ вы, вѣрила всему этому свято, но...

— Но?..

— Какъ я могу хорошо относиться къ человѣку, который готовъ меня въ ложкѣ воды утопить!..

— Софья Григорьевна! Милый другъ! Я ушамъ своимъ не вѣрю. Матильда Леонидовна такой добрый, мягкій парень...

— Ну, вотъ и цѣлуйтесь съ этимъ мягкимъ парнемъ, а я...

Трубка звякаетъ. Мертвое молчаніе. Зеркала напротивъ нѣтъ, но я и такъ чувствую, что лицо у меня глупое.

Вечеромъ узналъ доподлинно: только вчера произошла тяжкая ссора изъ-за того, кому продавать на благотворительномъ вечерѣ цвѣты, и кому программы. То ли, кажется, Матильда хотѣла «сидѣть на программахъ», а Софья «на цвѣтахъ», то ли наоборотъ — точно мнѣ не удалось выяснить.

Ну, поссорились и поссорились. Жаль, но мало ли кто ссорится. Во всякомъ случаѣ, онѣ и обѣ порознь настолько милы, что я могу продолжать свою дружбу съ каждой отдѣльно.

А какъ, спрашивается, наилучше продолжать съ женщиной дружбу? Очень просто: ругать ея врага.

Немного это, какъ будто, нечестно, но отчего не сдѣлать хорошему человѣку пріятное. Я добрый.

Быль я у Софьи Григорьевны на обѣдѣ. Встрѣтила она меня такъ радостно, что я былъ тронутъ.

Усадила въ кресло, и первый вопросъ ея былъ:

— Встрѣчаете Матильду Леонидовну?

— Вы спрашиваете объ этой розовой невыпеченной булкѣ? Нѣтъ, признаться, я этой размазни не видѣлъ дня два.

На лицѣ Софьи Григорьевны мелькнуло выраженіе ужаса:

— Вы съ ней поссорились?

— Нѣтъ, — слегка удивился я. — Это вы съ ней поссорились!

— А вы, значитъ, попрежнему, въ хорошихъ отношеніяхъ?

— Д... да... А что?

— И вамъ не стыдно такъ отзываться о бѣдной Тилли?! Вотъ, говорятъ, женщины злоязычны. Куда намъ до васъ! Обождите — Тилли сейчасъ пріѣдетъ, я ей расскажу, какъ вы...

— Куда пріѣдетъ?!

— На обѣдѣ. Ко мнѣ. Чего это вы такъ всполохнулись?

— А ваша... взаимная... ненависть?!

— Ну, вы тоже скажете — ненависть! Тилли, въ сущности, очень хорошей человѣкъ, только вспыльчива свѣше мѣры. Порохъ! Да вотъ и она.

Онѣ стояли передо мной ласково, любовно обнявшись: головка блондинки тихо покоилась на плечѣ брюнетки, а рука брюнетки нѣжно обвивала полную талию блондинки.

— Ахъ, господа! — радостно говорилъ я. — Сегодня для меня — Пасха! Я такъ радъ... Давно бы такъ, мои милыя чудесныя дѣвушки. Если бы я былъ другого пола — я расцѣловалъ бы васъ обѣихъ прямо въ мордочки.

Обѣ лучезарно засмѣялись.

— Чортъ съ вами, цѣлуйте

Столько было въ этой грубой фразѣ мило-интимнаго, вѣчно-женственнаго.

На картинной выставкѣ встрѣтился съ Софьей Григорьевной.

— Здравствуйтесь, Софья, что значить мудрость! Цѣлую вѣчность не видѣлись. Я, чай, дня три не цѣловалъ вашего носика.

— Полно врать. Вы его и раньше не цѣловали.

— Все равно — хотѣлъ.

— Матильду Леонидовну встрѣчаете?

— Вчера. Вскользь. Просила передать вамъ тысячу привѣтовъ.

— Она мнѣ передала привѣтъ? — страннымъ дрогнувшимъ голосомъ спросила Софья Григорьевна.

— М... да, — не совсѣмъ увѣренно подтвердилъ я.

Сказалъ я о привѣтѣ на всякій случай. Видѣлись мы съ Матильдой буквально на лету, и я даже не слышалъ что она мнѣ крикнула съ экипажа.

— Да, она... Этого. Кланялась вамъ.

— Ну, это ужъ, знаете, наглость, — закипѣла вдругъ Софья Григорьевна. — Послѣ того, что она себя позволила въ отношеніи меня, передавать поклоны — я это считаю форменнымъ издѣвательствомъ!!!

— Поссорились?! — простоналъ я.

— Ахъ, вы и не знаете? Только нынче на свѣтъ родились?! Весь городъ возмущенъ ея подлымъ поступкомъ со мной на аукціонѣ!! Неужели, вы ея еще не раскусили?

— Да, — вяло поддержалъ я. — Она, дѣйствительно, тяжелый человѣкъ. Въ ней есть что-то, какъ бы его сказать: змѣиное.

— Ага, и вы замѣтили?

— Да, да, — уныло поползъ я дальше. — У нея темпераментъ замѣняется всегда рѣзкимъ, рвущимъ барабанныя перепонки визгомъ. Визжитъ, визжитъ, а что толку?

Заѣхалъ къ Матильдѣ Леонидовнѣ выпить стаканъ чаю и для укрѣпленія дружбы ругнулъ Софью Григорьевну. Это очень освѣжило застоявшуюся атмосферу.

— Здравствуйтесь, цвѣточекъ. Все хорошѣете? А я недавно видѣлъ эту выдру, Соньку... Боже, какъ она подурнѣла! Черная, страшная!

— По-вашему, она выдра! — звонко расхохоталась Матильда Леонидовна. — А вотъ мы ее сейчасъ самоѣ спросимъ Сонечка! Развѣ ты похожа на выдру? Давай булавку, мы ему сейчасъ языкъ наколемъ!.. Ей Богу, онѣ нахаль! Тебя называютъ выдрой, меня змѣей, у которой темпераментъ замѣняется визгомъ, рвущимъ барабанныя перепонки... Хорошъ!

Вышедшая изъ другой комнаты «Сонька», обвила рукой талию хозяйки, а та положила ей золотистую головку на плечо, и онѣ слились въ такую прелестную женственную группу, что всякій другой на моемъ мѣстѣ пришелъ бы въ восторгъ.

Я опустился безсильно въ кресло и тихо сказалъ:

— Сколько въ васъ женственности... Вы такъ напиханы этой женственностью, что она лѣзетъ у васъ изъ глазъ, изъ рта, изъ ушей... Поменьше бы женственности, а? Хорошо бы было, роскошно бы было. Но если ужъ вы настолько женственны, то оставьте хоть меня въ покоѣ, или устройте меня такъ, чтобы я былъ внѣ всего этого... Поймите, что я настолько неповоротливъ, что не могу угнаться за всѣми вашими прихотливыми изгибами, поворотами и бросаніями изъ одной крайности въ другую. Я прошу, я, наконецъ, требую, чтобы періоды ссоры отмѣчались какими-нибудь внѣшними знаками: ленточку черную на шею себя нацѣпляйте, или флагъ на крышѣ вашего дома выбрасывайте, чтобы я могъ безошибочно руководствоваться... Нельзя же такъ, поймите вы меня!!!

Онѣ стояли передо мной сияющія молодостью, красотой и женственностью, любовно прильнувъ другъ къ другу, и смотрѣли на меня съ любопытствомъ и удивленіемъ.

— Какой смѣшной, — сказала бѣлокурая.

— Да... Неужели, онѣ думаетъ, — подхватила черная, — что мы теперь еще когда-нибудь поссоримся?!

— За то, что вы такой нехорошій, достаньте намъ два билета на «Донъ-Кихота».

— Слушаю-съ. Прикажете рядомъ или въ разныхъ сторонахъ?

— Почему въ разныхъ? Вотъ глупый!

— Ничего не глупый. Не забывайте, что спектакль еще черезъ четыре дня.

Арк. Аверченко.

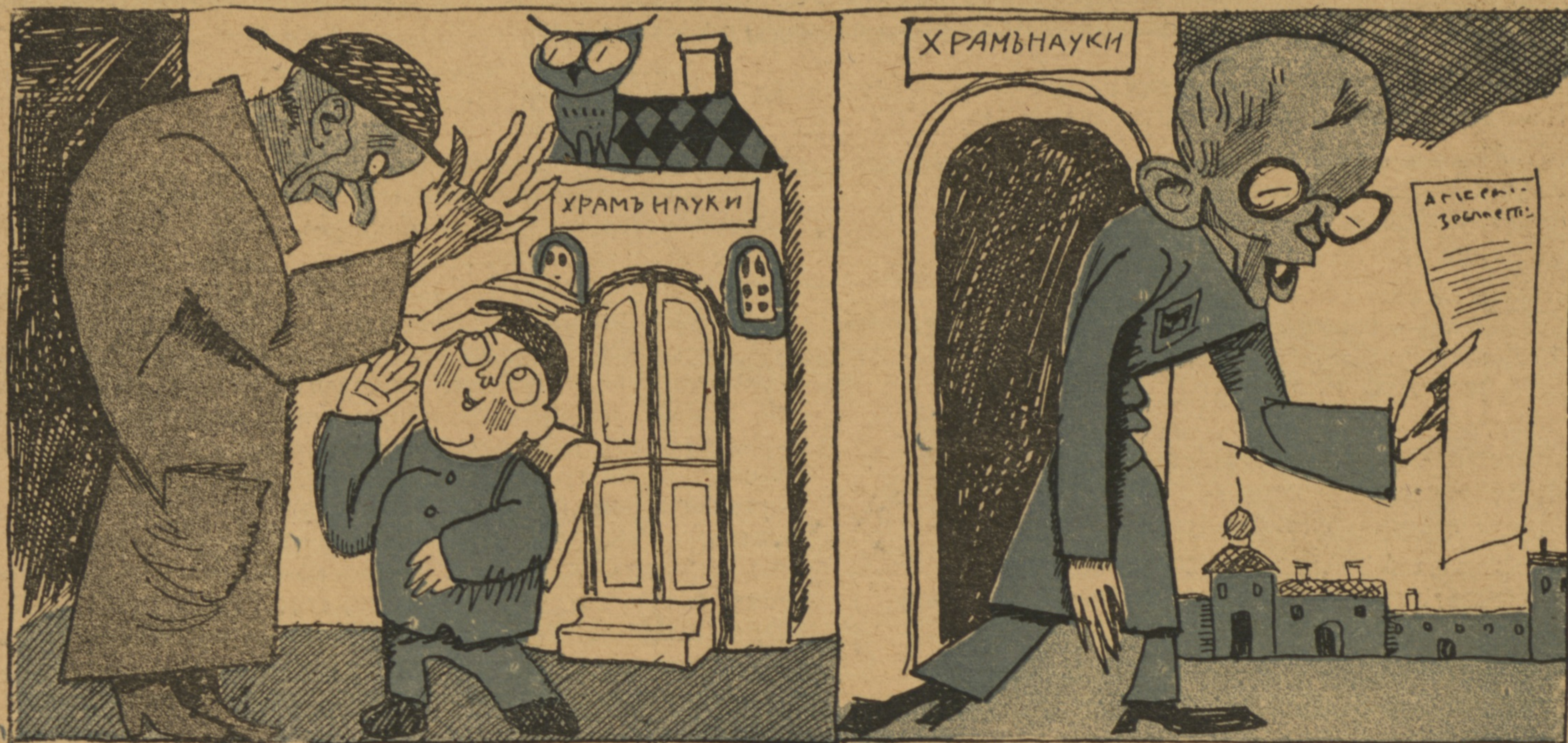
ЗАЩИТА СВОЕГО ДОБРАГО ИМЕНИ.

— Марья Ильинична! Нельзя ли пристроить моего сына на службу! У вас, говорят, есть связи!..

— А вы слушайте, что говорят: „связи, связи!“ Будто у меня их много... Одна только и есть: съ помощником директора департамента.

ЖИЗНЬ ДОЛГОТЕРПЪЛИВЦА РОССІЙСКАГО.

Рис. А. Радакова.

Вошелъ Долготерпѣливецъ въ храмъ науки здоровенькимъ мальчѣнкой.

А вышелъ, послѣ долгихъ лѣтъ, нездоровенькимъ парнемъ.

И пошелъ къ телефону, чтобы позвонить своей невѣстѣ; вошелъ въ будку нездоровенькимъ парнемъ...

А вышелъ оттуда нездоровенькимъ старикомъ (долго соединяли).

Но все-таки встрѣтилъ свою вѣрную невѣсту. Но такъ какъ оставалось имъ жить не болѣе пяти лѣтъ, то пришлось имъ встать въ очередь въ гробовой хвостъ, чтобы во-время запастись гробомъ.

Вотъ такъ и прошла жизнь Долготерпѣливца россійскаго. Эхъ, дѣти, дѣти! Всѣ тамъ будемъ...

ТОВАРИЩЪ РОЗА.

Она три года ходитъ стрижена
На благо женскому вопросу,
Изъ Орши путь прямой въ Парижъ она
Нашла въ семнадцать лѣтъ безъ спросу.

Но объжавъ столовки русскія,
Кафе Латинскаго квартала,
Мелькнула вновь плечами узкими
Въ толпѣ гудящаго вокзала.

И вотъ въ углу столицы сѣвера,
Гдѣ свѣта — вдоволь для улитки,
Товарищъ Роза пыльнымъ вѣеромъ
Свои развѣсила открытки.

Глава оршанскаго землячества
И предводитель въ бабьемъ стадѣ, —
Она науку и ребячество
Хранитъ въ клеенчатой тетради.

Одолжитъ пдѣ-то курсъ затасканный,
И первой сдасть зачетъ «по сердцу»,
Товарищъ Блюмъ приходитъ ласковый:
Въ курчавой Розѣ — столько перцу!

Презрѣвъ Каманскаго и Санина,
О половомъ забывъ вопросѣ,
Она бѣжитъ на Сѣверянина
И смысла жизни ищетъ въ Поссе...

Лѣтъ черезъ пять, смущаться нечего: —
Въ столицѣ жизнь и злѣй и горше, —
Товарищъ Блюмъ съ утра до вечера
Сбираетъ жатву въ тихой Оршѣ...

Звѣздой горятъ на мѣдной карточкѣ
«Болѣзни уха, горла, носа»,
Товарищъ Роза въ бѣломъ фартучкѣ
Качаетъ смуглый плодъ Эроса...

Ал. Флиртъ.

ПРОСТАЯ ДУША.

Фотографъ: — Вамъ какія карточки сдѣлать: будуар-
ныя или кабинетныя?

Кухарка: — Хи-хи! Тоже вы скажете! Мнѣ для кухни.

В.

НЕ МЫТЬЕМЪ, ТАКЪ КАТАНЬЕМЪ.

«Въ нѣкоторыхъ мѣстахъ суровый
законъ о чертѣ осѣлости смягченъ».
(Изъ газетъ.)

— Поздравьте меня, господинъ паспортиста! Я уже имѣю право жить въ
этомъ городѣ!

— А-а... Имѣешь право? Ну, такъ давай тогда подписку о невыѣздѣ.

ЖАНДАРМЪ.

Незначительная, немногочисленная станція съ «комнатой
для пассажировъ» и буфетомъ.

Полдень.

Солнце жжетъ нестерпимо.

У края залитой солнцемъ открытой платформы стоитъ
важный, матерой сѣдоусый жандармъ. Прищуривъ отъ свѣта
зоркіе глаза, онъ внимательно слѣдитъ за прохаживающимся
среди немногочисленныхъ пассажировъ страннымъ подозри-
тельнымъ субъектомъ.

На субъектѣ полосатія брюки, цвѣта шерсти обваляв-
шейся въ пыли, выцвѣтшей на солнцѣ, когда-то рыжей соба-
ки, зеленый пиджакъ, застегнутый на всѣ пуговицы; на го-
ловѣ — кепи, изъ-подъ котораго падаетъ на узкія плечи
пышная волна густыхъ черныхъ волосъ. Черезъ плечо —
кожаная сумка, въ одной рукѣ палка, въ другой дождевой
плащъ.

Субъектъ то и дѣло нервно подергиваетъ худымъ ли-
цомъ, поминутно поправляя очки, теревитъ неопредѣлннаго
цвѣта козлиную бородку и внимательно разглядываетъ на-
ходящуюся на платформѣ публику.

Жандармъ нѣкоторое время о чемъ-то раздумываетъ,
проводитъ рукой по усамъ, поправляетъ оружіе и медлен-
нымъ шагомъ направляется къ субъекту.

— Молодой человѣкъ! Пожалуйте въ жандармскую!

«Молодой человѣкъ» оборачивается, брови поднимаются
надъ очками, лицо удивленное.

— А зачѣмъ, собственно?

— Тамъ узнаете!

Глаза жандарма смотрятъ строго, голосъ звучитъ вну-
шительно. Субъектъ пожимаетъ плечами и покорно уходитъ
за жандармомъ.

— Паспортъ — кратко приказываетъ жандармъ, за-
крывая двери.

Паспортъ у субъекта оказывается въ полномъ по-
рядкѣ. Жандармъ подозрительно смотритъ на субъекта и
спрашиваетъ:

— Вы откуда?

— Изъ Харькова.

— Когда пріѣхали?

— Да я не пріѣхалъ, а пришелъ...

— А!?

На лицѣ жандарма неопредѣлимое изумленіе. Голосъ ста-
новится вкрадчивымъ, мягкимъ, почти ла-
сковымъ. Глаза смотрятъ иронически.

— А зачѣмъ, собственно?

— Такъ...

— Гм... такъ?.. Очень пріятно!.. А
куда идете?

— Прямо!..

Жандармъ удивленъ. По лицу прохо-
дитъ тѣнь недовольства и оскорбленнаго до-
стоинства.

— Вы не того... Не втирайте очковъ...
Хуже будетъ!.. Я васъ русскимъ языкомъ
спрашиваю, куда идете?

— А я вамъ русскимъ языкомъ отвѣ-
чаю: прямо. Не знаю, куда иду... Куда при-
дется... Кажется, имѣю я право ходить, разъ
мнѣ ноги даны...

— Имѣете, но странно... Какъ же
это, къ примѣру, можно не знать, куда
идешь...

— А вотъ, не знаю...

Субъектъ отвѣчаетъ спокойно, не вол-
нуясь. Только лицо нервно дергается и по-
верхъ очковъ насмѣшливо и упрямо смот-
рятъ умные, близорукіе глаза.

Жандармъ нетерпѣливо хлопаетъ себя
по ляжкамъ и садится.

— Ффу-у!.. Упрѣшь!.. Вы мнѣ моз-
говъ не вертите!.. Не такихъ видали!..
Лучше сознайтесь, а то хуже будетъ!..

— Да въ чемъ сознаться?..

Жандармъ проводитъ рукой по лицу,
отчаянно машетъ головой, но сдерживается
и терпѣливо начинаетъ выпытывать снова.

— Вы откуда идете?

Рис. А. М.

— Изъ Харькова.
— Почему?
— Потому что былъ въ Харьковѣ. Не могъ же я, будучи въ Харьковѣ, выйти изъ Парижа.

— Я не про это... Зачѣмъ вы шли, спрашиваю?

— Надоѣло и ушелъ...

— Такъ-съ... Надоѣло значить... И куда же вы пошли?

— Прямо!..

Жандармъ уже не можетъ больше сдерживать гнѣвнаго раздраженія и оретъ:

— Нечего прикидываться!.. Ясно спрашиваю: куда идешь?

— Тьфу! — спокойно сплзываетъ субъектъ.

Жандармъ багровѣетъ, щеки надуваются, глаза хотятъ выскочить.

— Не плевать!.. — истерически кричитъ онъ. — Я те поплюю! — и дѣлаетъ шагъ къ субъекту.

Въ этотъ моментъ открывается дверь, и въ комнату входитъ жандармскій офицеръ.

— Въ чемъ дѣло, что за крикъ?

Жандармъ сдерживается и беретъ почтительно подъ козырекъ взволнованно говорить:

— Вотъ, на платформѣ поймалъ. Изъ Харькова пѣшкомъ идетъ, зачѣмъ не знаетъ, куда не говорить...

— Паспортъ.

Офицеръ внимательно разсматриваетъ документъ, потомъ съ любопытствомъ смотритъ на субъекта и спрашиваетъ.

— Членъ общества изученія придорожной флоры?

— Да.

— Удостовереніе отъ общества имѣете?

Субъектъ протягиваетъ сотрудническую карточку. Офицеръ взглядываетъ мелькомъ, возвращаетъ паспортъ и карточку и снисходительно улыбается.

— Впечатлѣніе собираете? Ну-ну, собирайте... Я васъ не задерживаю.

Субъектъ, что-то нервно и сердито бормоча, направляется къ двери. Жандармъ въ оцѣпенѣніи. И только, когда закрывается за субъектомъ дверь, испуганно подскакиваетъ къ офицеру.

— Ваше вскородіе! Уйдеть!.. Куда идетъ?..

— А хоть къ чорту! — нетерпѣливо отмахивается офицеръ и тоже выходитъ. Выбѣгаетъ изъ комнаты и жандармъ.

На станціи трещитъ сигнальный звонокъ, предупреждающій о скоромъ приходѣ поѣзда. Пассажиры суетятся, платформа оживилась.

Но жандарма не увлекаетъ эта общая суета.

Подобно Лотовой женѣ, превращенной въ соляной столбъ, стоитъ онъ у края платформы и молчаливо, растерянно, испуганно смотритъ вслѣдъ уходящему отъ станціи, субъекту.

И на лицѣ жандарма отражается одинъ недоумѣнный, неразгаданный, неразрѣшимый, мучительный вопросъ:

— Куда онъ идетъ? Куда онъ идетъ?!

П. Перваловъ.

ТРАМВАЙНОЕ.

Тамъ все можно.

— Иванъ Ивановичъ, вчера ваша жена сидѣла у меня на колѣняхъ...

— Милостивый государь!..

— Это было въ трамваѣ...

— Ахъ, мерси, мерси! Позвольте пожать вашу руку.

Хавалеръ.

— Это у васъ медаль за спасеніе погибавшаго?

— Да.

— Утопленника вытащили?

— Нѣтъ.

ГОЛЬ НА ВЫДУМКИ ХИТРА.

- Неужели, ты ничего не дѣлаешь для того, чтобы въ комнатѣ было теплѣй?
- Дѣлаю. Вѣшаю термометръ около горячей лампы.
- Ну, и что получается?!
- Четырнадцать градусовъ тепла.

— Ребенка изъ огня вынесли?

— Ребенка. Только не изъ огня, а изъ трамвая...

Хаосъ.

— Чья это нога?

Молчаніе.

— Господа! Я спрашиваю: чья это нога?

Молчаніе.

— Чортъ знает!.. Чья же она, наконецъ? Страшно мѣшаетъ мнѣ: жметъ мою лѣвую, а тамъ мозоль на мозоли, мозолью погоняетъ. А-а-а!.. Нѣтъ силъ больше терпѣть...

— А вы ущипните ее хорошенько! Хозяинъ сразу найдется...

— Ай!.. Самъ чортъ тутъ ничего не разбереть... Оказывается, это моя же правая нога...

Хладнокровіе.

— Что съ вами случилось? А-я-яй!..

— А что?

— Да какъ же: рукавъ оторванъ, одной калоши нѣтъ, лицо въ крови и сзади за васъ какая-то дама держится...

— А это я только что изъ трамвая вышелъ. Ну, немножко помяли... А дамочка прицѣпилась ко мнѣ еще на задней площадкѣ. Я протащилъ ее черезъ весь вагонъ. Жалко, одной не выбраться! Бѣдняжка никакъ не придетъ въ себя. Я вотъ стою тутъ и жду, когда она отцѣпится. Пожалуйста, посмотрите, что съ ней...

— Господи!.. Да она не дышитъ... Руки заостенѣли. И не оторвать отъ васъ, такъ вцѣпилась...

— Значитъ, ее задушили въ вагонѣ. Теперь это часто... будьте любезны, найдите мнѣ извозчика до Обуховки; сvezу ее въ мертвецкую, тамъ отцѣпять...

Съ Богомъ — хоть въ море.

— Вы гдѣ сходите?

— Гдѣ Богъ поможетъ...

Мальтузіанка.

Восклицанія кондуктрессы часто очень загадочны.

Не поймешь: символъ ли это, или просто незнаніе родного языка.

Недавно кондуктресса воскликнула въ чудовищно переполненномъ вагонѣ:

— Прошу не размножаться!..

Николай Бреневъ (В. Черній).

ВОЛЧЬИ ЯГОДЫ.

Побесѣдовали.

Сотрудникъ „Петроградской Газеты“ имѣлъ храбрость вступить въ бесѣду съ И. Г. Щегловитовымъ на тему о недопущеніи имъ внѣочереднаго заявленія въ Госуд. Совѣтъ.

Предсѣдатель Госуд. Совѣта статсъ-секретарь И. Г. Щегловитовъ въ бесѣдѣ на эту тему сказалъ:

— Я понимаю свой долгъ предсѣдателя Госуд. Совѣта такъ, какъ считаю нужнымъ его понимать, т. е. какъ подсказываетъ мнѣ моя совѣсть и велѣнія права и законности.

Истолковывать такъ или иначе мои намѣренія и поступки ни кому не могу запретить, ибо всякій воленъ въ своихъ сужденіяхъ.

Имѣлъ ли я, или нѣтъ отдѣльныя бесѣды съ членами Совѣта, — въ этомъ совершенно не считаю необходимымъ давать отчета. Мало ли, что сообщается газетами.

Я слишкомъ привыкъ къ газетнымъ вымысламъ, чтобъ обращать на нихъ вниманіе.

Я сказалъ уже, что понимаю свои задачи такъ, какъ считаю нужнымъ ихъ понимать, а простирающія отсюда послѣдствія предоставляю ихъ собственной участи.

Отъ дальнѣйшаго разговора на затронутую тему статсъ-секретарь И. Г. Щегловитовъ уклонился.

Одинъ изъ многихъ.

„Русская Воля“ рассказываетъ о пріѣздѣ бывшаго читинскаго губернатора Косова въ г. Читу:

Пріѣздъ Косова въ Читу похожъ на щедринскій анекдотъ. Его торжественно встрѣтили, держали приличествующія случаю рѣчи, поздравляли съ благополучнымъ пріѣздомъ. Косовъ таинственно молчалъ. Вотъ уже подали хлѣбъ-соль, представились, а онъ все молчитъ. Вице-губернаторъ осторожно предложилъ Косову ѣхать. Косовъ какъ будто очнулся, внимательно осмотрѣлъ всѣхъ и отчетливо произнесъ первое слово:

— Аррррррррррррр!

Начальникъ полиціи съ недоумѣніемъ покосился на вице-губернатора, вице-губернаторъ — на жандармскаго полковника, и всѣ — на единственнаго подозрительнаго человѣка — городского голову.

Вскорѣ все разъяснилось. Косовъ страдалъ психическимъ разстройствомъ. Душевно-больной управлялъ обширной областью свыше двухъ лѣтъ. Въ рѣдкія минуты просвѣтленія Косовъ каялся, просилъ у всѣхъ прощенія, но это продолжалось недолго, а дальше слѣдовало неизмѣнное:

— Арррррррррррр!

Наконецъ болѣзнь администратора все-таки замѣтили, и Косова увезли лѣчить.

Дѣловая страна.

Разъ въ Москвѣ основано акціонерное общество мошенниковъ, почему бы не акціонировать и вообще не поставить бы на широкую ногу — кустарнаго нищенства?

Вотъ первые цвѣточки въ этой области:

Изъ Петровскаго уѣзда Саратовской губерніи сообщаютъ, что даже простой деревенскій нищій, собиравшій подъ окнами куски, сталъ спекулянтномъ и торговцемъ. Торгуетъ кусками и находитъ имъ сбытъ. Скупаютъ куски у другихъ нищихъ и отвозитъ ихъ въ городъ. Уже завелъ телѣжку.

Появленіе „Нищенскихъ“ на фондовой биржѣ — не за горами.

Кавалеръ.

Осужденный на полтора года арестанскихъ отдѣленій Манасевичъ-Мануйловъ, какъ выяснилось на судѣ, имѣлъ орденъ:

„Филиппа Великодушнаго“.

Именно на этой груди и мѣсто этому ордену.

Двѣ веселыхъ исторіи.

Изъ показаній свид. Рязанова на процессѣ Манасевича-Мануйлова:

Во время разговора, когда Мануйловъ со смѣхомъ сообщилъ, что вотъ-де гр. Татищевъ употребляетъ всѣ усилія, чтобы добиться министерскаго поста и просить его содѣйствія, — къ нимъ еще подошелъ М. А. Суворинъ и, узнавъ, въ чемъ дѣло, воскликнулъ: „веселенькая исторія!“.

Совсѣмъ, какъ въ анекдотѣ:

Одна маленькая робкая дѣвочка пришла въ гости...

Къ ней пристали:

— Расскажи, что-нибудь!

— Да я ничего не знаю.

— Ну, расскажи какую-нибудь веселенькую исторію!

Дѣвочка робко вздохнула и застѣнчиво начала:

— Ну, хорошо... Вчера моя гувернантка приходитъ къ моему папѣ и говоритъ: „Ты знаешь, у меня скоро ребенокъ будетъ“... А папа засвисталъ и говоритъ: „Веселенькая исторія“. Все.

Веселый элементъ въ обѣихъ исторіяхъ почти одинаковъ.

И еще веселенькая исторія.

Влад. Кадашевъ въ московскихъ очеркахъ („Русск. Воля“) рассказываетъ о чертахъ московскаго быта:

На Садовой, къ молоденькой барышнѣ, подбѣгаетъ прилично одѣтый господинъ. Очень взволнованъ. Извиняется и спрашиваетъ: не видала ли барышня поблизости гордого.

— Нѣтъ! какіе городовые! — отвѣчаетъ ему, какъ доброду, барышня, — отъ самой Триумфальной площади ни одного.

— Въ такомъ случаѣ, — отвѣтствуетъ господинъ, — потрудитесь снять вашу шубу, mademoiselle...

— Веселенькая исторія, — вѣроятно, сказала барышня, схватывая воспаленіе легкихъ.

Неувядаемый Гоголь.

Совсѣмъ, какъ въ „Ревизорѣ“: „Душа Тряпичникъ! Меня тутъ принимаютъ за важную персону и ухаживаютъ за мной напропалую“...

Однимъ изъ новониколаевцевъ, по словамъ „Голоса Сибири“, прислано изъ Петрограда письмо такого содержания: Въ городѣ нѣтъ мяса. Подозрѣваютъ, что я привезъ гусятину и поросятину. Ухаживаютъ за мной. Хозяйка звала пить кофе. Одинъ чиновникъ чуть не на коленяхъ умолялъ переѣхать къ нему и столоваться у него. Я зажарилъ гуська и поѣдаю его самъ.

Экое, подленькое злоехидное существо!

Усложненіе жизни.

Привѣтъ вамъ, коллеги!

Наконецъ-то у отвѣтственныхъ редакторовъ газетъ и журналовъ появились товарищи по профессіи...

Въ Новониколаевскѣ объявилась новая профессія, — отвѣтственный самосидчикъ.

При обнаруженіи заводовъ самосидки чинами полиціи, оказалось, что рядомъ съ фактическимъ самосидчикомъ существуетъ и другой „отвѣтственный“. И часто всю вину на себя принимаетъ отвѣтственный самосидчикъ, выгораживая фактическаго. Отвѣтственный самосидчикъ начинаетъ пріобрѣтать всѣ права профессионала и получаетъ жалованья въ случаѣ высадки 50 р. въ мѣсяць.

Рис. Миссъ

ГАРМОНИЯ ДУШЪ.

— Какъ васъ зовутъ, божественная?

— Три звѣздочки.

— О! это моя любимая марка.

лѣняхъ умолялъ переѣхать къ нему и столоваться у него. Я зажарилъ гуська и поѣдаю его самъ.

ОТКРЫТА ПОДПИСКА
на еженедѣльный журналъ САТИРЫ и ЮМОРА

на 1917 годъ

„Новый Сатириконъ“.

ОБЩЕСТВО ДЛЯ БОРЬБЫ СЪ РОСКОШЬЮ
ПРЕДЛАГАЕТЪ ВАМЪ

подписаться на журналъ „Новый Сатириконъ“.

ОСНОВАНИЯ НИЖЕСЛѢДУЮЩАЯ:

1) Получая по подпискѣ „Сатириконъ“, читатель не долженъ каждую недѣлю бѣгать къ газетчику, изнашивая ботинки и одежду, какъ верхнюю, такъ и нижнюю.

2) Получая „Сатириконъ“ и внимательно читая его, подписчикъ будетъ отвлеченъ отъ другихъ способовъ убиванія времени: картъ, хожденія по шантанамъ и развратныхъ поступковъ съ нехорошими кокотками.

3) Ввиду того, что каждый номеръ „Сатирикона“ читатель будетъ получать въ бумажной бандероли — означенная бандероль можетъ всегда пригодиться на завязываніе банокъ съ вареньемъ или изго-

товленіе бумажныхъ пѣтуховъ для вашего многоуважаемаго сына Ванечки.

И, наконецъ, 4) Въ розницу журналъ будетъ вамъ обходиться (безъ премій) *тринадцать* рублей, а по подпискѣ (съ преміями! Замѣьте же, ради Бога: съ преміями!!) *одиннадцать* рублей.

Если по ознакомленіи съ этими четырьмя пунктами, читатель, все-таки не подпишется — смѣло отдавайте его подъ опеку за расточительность!

Съ почтеніемъ:

Об-во для борьбы съ роскошью.

ВСѢ ГОДОВЫЕ ПОДПИСЧИКИ ПОЛУЧАТЪ:

52 НОМЕРА обильно иллюстрированного рисунками и карикатурами журнала.

1 БОЛЬШОЙ ТОМЪ „Вселенная и Человѣчество“.

4 КАРТИНЫ, изъ нихъ двѣ исполненныя по способу трехцвѣтной печати,

а именно:

2 КАРТИНЫ Ре-ми и А. Радакова.

2 КАРТИНЫ (силуэты въ красочныхъ медальонахъ) Миссъ.

ПОДПИСНАЯ ЦѢНА:

на одинъ годъ безъ доставки **10** руб.,

съ доставкой и пересылкой: на 1 годъ — 11 р., на 1/2 года — 5 р. 50 к.,
на 1 мѣс. — 95 к.

ДОПУСКАЕТСЯ РАЗСРОЧКА:

при подпискѣ 5 руб., 1-го мая 3 руб., 1-го сентября 3 руб.

Адресъ редакціи и конторы:

Петроградъ, Невскій пр., 88. Телеф. 59-07.

Редакторъ: Арк. Аверченко.

Издатель: „Новый Сатириконъ“.

ГРЯДУЩЕ ГУННЫ.

Свѣтлой памяти нѣкоторыхъ изданій.

Бываетъ, дородная Фекла
Копается въ книжныхъ шкалахъ
Протретъ запыленные стекла,
Смететъ паутину въ углахъ.
Потомъ, въ любопытствѣ невѣжды,
Какой-нибудь томикъ возьметъ,
Раскроетъ старательно ротъ
И выпучитъ тускляя вѣжды.
— Што только написано тутъ?
Буквенки! Бѣгутъ, какъ букашки...
Бумажки, бумажки, бумажки...
И все то, сердешные, врутъ.
Чудно-о!

И внезапно поблекла,
Исчезла въ какой-нибудь мигъ
Вся мудрость задумчивыхъ книгъ.
— Какой у васъ острый языкъ,
Дородная Фекла!

Гдѣ вы, грядущіе гунны,
Что тучей повисли надъ міромъ?
Слышу вашъ топотъ чугунный
По еще не открытымъ Памирамъ».

Гдѣ вы, дородныя Феклы?
Вы идете по грязнымъ дорогамъ,
Чтобъ повѣсить мечи Дамокла
Надъ каждымъ героемъ и Богомъ.

Вы идете, грозя остракизмомъ,
Вы идете тропами кривыми,
Чтобъ плюнуть своимъ скептицизмомъ
На каждое славное имя.

Оборвутся старыя струны...
И сбѣгутъ отъ Терситовъ Патроклы...
У порога грядущіе гунны!
У порога дородныя Феклы!

Желчный поэтъ.

Почтовый ящикъ „НОВАГО САТИРИКОНА“.

А. Петроградъ.

Аничка С. М. — Описывая охотничье приключеніе своего друга, Аничка съ увлеченіемъ рассказываетъ:

— „Медвѣдь вскочилъ и, какъ тигръ, прыгнулъ на Балконина... Медвѣдь можетъ прыгать только, какъ медвѣдь. Это первое. Второе: рогатиной звѣря нельзя „рѣзать“. Третье: рогатиной не „тыкаютъ“ въ бокъ медвѣдя, какъ простодушно сообщаете вы, а, наоборотъ, медвѣдь самъ долженъ лѣзть на рогатину, подставленную ему охотникомъ.

И вообще — охота вамъ описывать медвѣдей. Не женское это дѣло.

Силь Драконову. — „Мои стихи, это не какое-нибудь декадентство, а это здоровая сытная пища“, — сообщаетъ скромный Сила. Вотъ она, эта здоровая пища:

„Сброшу я съ себя порфиру (?)
И пойду я босикомъ,
Проповѣдая всему міру,
О воздержаніи во всемъ“.

И особенно — въ писаньи стиховъ.

Не считите нашъ вопросъ нездоровымъ любопытствомъ: на какомъ основаніи вы носите порфиру и, вообще, какой на васъ чинъ?

Губь-не-дурь. — Отрывокъ, достойный самаго широкаго распространенія:

— „Эта дѣвушка верхомъ на лошади, напоминала знаменитую Венеру Милосскую...“

Добавьте: если придѣлать этой статуѣ руки и посадить верхомъ на лошадь.

Но мы того мнѣнія, что — стоитъ ли передѣлывать хорошую статую изъ-за плохого рассказа?.

Ave.

Редакторъ: А. Т. Аверченко.
Издатель: Т-во „Н. Сатириконъ“.

ОТКРЫТА
ПОДПИСКА

на
1917 г.
(48-й годъ
изданія).

НИВА

Еженедѣльный иллюстрированный журналъ со многими приложеніями.

Подписчики „НИВЫ“ получаютъ въ теченіе 1917 года:

52 №№ журнала: повѣсти, разск., картины, иллюстраціи и снимки съ театра военн. дѣйствій.

12 №№ иллюстрирован. ежемѣсячнаго приложенія для дѣтей.

52 КНИГИ (при каждомъ № „Нивы“ по одной книгѣ), отпечатанныя компактнымъ, четкимъ шрифтомъ, въ составъ которыхъ войдетъ:

ПЕРВАЯ СЕРІЯ ПОЛНАГО СОБРАНІЯ СОЧИНЕНІЙ **М. ГОРЬКАГО,**

ПОЛНОЕ СОБРАНІЕ СОЧИНЕНІЙ **С. Я. НАДСОНА,**

ТРЕТЬЯ СЕРІЯ ПОЛНАГО СОБРАНІЯ СОЧИНЕНІЙ **Д. Н. МАМИНА,**

ПОЛНЫЙ ПЕРЕВОДЪ РОМАНА **„ДОНЪ-КИХОТЪ“ СЕРВАНТЕСА.**

ПОДПИСНАЯ ЦѢНА „НИВЫ“ со всѣми приложен. на годъ:

Въ Петроградѣ: } безъ доставки—12 р. 50 к. } Съ перес. во
} съ доставкой—13 р. 50 к. } всѣ мѣста
Безъ доставки: 1) въ Москвѣ, въ конторѣ Н. Печковской—13 р. 25к.; 2) въ Одессѣ, въ книжн. магаз. „Образование“—13 р. 50к. } Россіи . . . 14 р.

Допускается разсрочка платежа: 1) въ 2 срока: при подпискѣ 7 р. и 1 июня—7 р. 2) въ 3 срока: при подпискѣ 5 р., 1 апрѣля—5 р. и 1 августа—4 р. и 3) въ 4 срока: при подпискѣ 4 р., 1 марта—3 р., 1 июня—4 р. и 1 августа—3 р.

Новые подписчики, желающіе получить кромѣ „Нивы“ 1917 г., еще первыя двѣ серіи соч. Мамина-Сибиряна. приложен. при „Нивѣ“ 1915 и 1916 гг., доплачиваютъ за обѣ серіи 13 руб. съ доставкой и пересылкою въ Европ. Россіи (цѣна каждой серіи въ отдѣльности 6 р. 50 к. съ доставкой и пересылкою въ Европ. Россіи).

Адресъ: въ Контору журнала „Н И В А“, Петроградъ, улица Гоголя, № 22.

52 КНИГИ „СБОРНИКА НИВЫ“

которыя подписчики получаютъ полностью въ теченіе одного 1917 г., содержатъ:

ПЕРВУЮ СЕРІЮ ПОЛНАГО СОБРАНІЯ СОЧИНЕНІЙ **М. ГОРЬКАГО.**

Горькій—поэтъ героической удали. Онъ молніей ворвался въ нашу жизнь, и все въ ней зажегъ, освѣтилъ. „Человѣкъ—это звучитъ гордо! Человѣкъ—святыня. Все—для человѣка. Люди, вы и сами не знаете, какъ вы сильны и прекрасны“,—говоритъ своими твореніями Горькій. Его книги—восторженные псалмы человѣку. Горькій—пѣвецъ будущаго, и, прозрѣвая наше грядущее счастье, нетерпѣливо торопитъ его. Залогъ этого счастья—работа, творческая, хоровая, всемірная.

Поэтъ-пролетарій, поэтъ-цеховой, сынъ мастерового, внукъ бурлака, изображаетъ широкою кистью богатую народную душу. Нынѣ онъ въ самомъ расцвѣтѣ своего могучаго творчества, и его мировая, необыкновенная слава крѣпнетъ и растетъ съ каждымъ годомъ.

ПОЛНОЕ СОБРАНІЕ СОЧИНЕНІЙ **С. Я. НАДСОНА.**

Надсонъ—вѣчный кумиръ молодежи. Вся молодая Россія молитвенно влюблена въ него, ибо онъ выразилъ и воспѣлъ въ своихъ стихахъ именно то, чѣмъ волнуются умы и сердца лучшихъ русскихъ юношей и дѣвушекъ: жажду безкорыстнаго служенія народу, жажду жертвенной любви къ униженнымъ и падшимъ, жажду борьбы за идеалы свободы и братства.

Для молодежи нѣтъ благотворнѣе книги, чѣмъ стихотворенія этого свѣтлаго юноши, уводящаго душу отъ порочныхъ соблазновъ, навѣвающія на нее идеалистическій духъ.

ТРЕТЬЮ СЕРІЮ ПОЛНАГО СОБРАНІЯ СОЧИНЕНІЙ **Д. Н. МАМИНА.**

Въ эту серію входятъ такіе шедевры знаменитаго русскаго писателя, какъ романы: „Золото“, „Бурный потокъ“, „Падающія звезды“, цѣлый рядъ, сборниковъ, повѣстей и рассказовъ: „Любовь“, „Осенніе листья“, „Медовыя утки“, „Вокругъ ракитова куста“, и др. Читатели „Нивы“ успѣли уже полюбить мускулистый, полнокровный талантъ этого силача-самородка, который, какъ узловатый, могучій дубъ, стоитъ въ рошнѣ нынѣшней словесности среди чахлахъ своихъ современниковъ.

ПОЛНЫЙ ПЕРЕВОДЪ РОМАНА **СЕРВАНТЕСА.**

„ДОНЪ-КИХОТЪ“
Больше 300 лѣтъ прошло со времени созданія „Донъ-Кихота“, а эта книга все еще молода и нова. Не можетъ умереть Донъ-Кихотъ, покуда не умереть въ человѣчествѣ драгоцѣннѣйшая благодать—донкихотство! Быть Донъ-Кихотомъ—это лучшее, на что только способенъ человѣкъ. Если бы не было среди насъ Донъ-Кихотовъ, жизнь была бы, что садъ безъ цвѣтовъ, что храмъ безъ иконъ и святыни! Донкихотство это рыцарское самоотверженіе, идеализмъ, вѣра въ высшія цѣнности жизни, героическій бой съ угнетателями. Донъ-Кихотъ—широчайшій поэтический образъ, грандіозно обобщенный художественный типъ. Это не только испанецъ такого-то вѣка, это всечеловѣкъ всѣхъ эпохъ и народовъ.

Гдѣ бываютъ артисты и писатели ?
за завтракомъ, обѣдомъ и
ужиномъ

ВЪ РЕСТОРАНѢ
И. С. СОКОЛОВА.

Ул. Гоголя, 13. Тел. 477-35, 29-65 и 182-22.

Комфортабельные
кабинеты.

Ресторанъ открытъ до 11 час.

(Напечат. въ Прагѣ. Выст. 1915 г. № 226).

Фирма
ОСНОВАНА въ 1903,
удостоена **ВЫСШИХЪ** наградъ
на выставкахъ
въ Парижѣ, Лондонѣ, Брюсселѣ,
Флоренціи и проч.
Maison
Fondée en 1903
4 grands prix
Paris, Londres, Bruxelles, Florence

ВЫТЯЖКА ИЗЪ СЪМЕННЫХЪ ЖЕЛЕЗЪ

ОРГАНОТЕРАПЕВТИЧЕСКОЙ ЛАБОРАТОРИИ **Д. КАЛЕНИЧЕНКО.**

ПРИМѢНЯЕТСЯ: при неврастеніи, истеріи, невралгіи, старческой дряхлости, подагрѣ, ревматизмѣ, малокровіи, артеріосклер., туберкулезѣ, диабетѣ, головныхъ боляхъ, безсонницѣ, половомъ безсиліи, хроническомъ разстройствѣ питанія и сердечн. дѣятельн., общей слабости, послѣ тяжкихъ болѣзней: инфлуэнцы, сифилиса, послѣ родовъ, операций, кровопотерь и проч.

Гг. врачамъ, лазаретамъ и больницамъ съменная вытяжка лабораторіи Д. Калениченка для наблюдений высылается бесплатно. Обширная литература по требованію бесплатно. Одинъ флаконъ съменной вытяжки въ продажѣ стоитъ пересылка—40 к., пересылка свыше одного флакона—**3 р. 50 к.** бесплатно. 20%-ый почтовый сборъ за наложенный платежъ всегда за счетъ заказчика. * Адресъ: Органотерапевтич. лабораторія Д. КАЛЕНИЧЕНКО. Москва, Козловскій пер. соб. д. кв. 290. * телег. адр. Москва, Калефлюидъ.

ПРЕДОСТЕРЕЖЕНІЕ

Вытяжка изъ съменныхъ железъ изготовляется естественнымъ путемъ безъ огня и химическихъ реакцій и ничего общаго не имѣетъ съ химически изготовленнымъ сперминомъ.

Перемѣна адреса

Контора журнала, „Новаго Сатирикона“ взымаетъ съ гг. подписчиковъ за перемѣну адреса **30 коп.** и проситъ прилагать старый адресъ.

ИЗДАТЕЛЬСТВО „НОВЫЙ САТИРИКОНЪ“.

Петроградъ, Невскій пр., 64. — Телефонъ 644—56.

Выписывающіе со склада издательства на сумму не менѣе 3-хъ руб., за пересылку не платятъ. Суммы до 10 руб. можно высылать марками почтовыми и гербовыми.

Вышли въ свѣтъ и поступили въ продажу слѣдующія книги:

Юмористическіе альманахи „Новаго Сатирикона“ при участіи авторовъ.

А. Аверченко, Вл. Азова, А. Бухова, Евг. Вѣнскаго, Исид. Гуревича, Е. Дольскаго, О. Дымова, Г. Ландау, О. Л. Д'Ора и Тэффи. Иллюстраціи художниковъ А. Радакова, В. Лебедева, Ре-ми и А. Юнгера. Обложки работы художника Ре-ми.

- 1) Осинный колъ на могилу зеленого змія. Цѣна 1 р. 50 к.
- 2) Теплая компанія (Съ кѣмъ мы воюемъ). Цѣна 1 р. 25 к.
- 3) Письмовникъ „Нов. Сатирикона“ съ приложеніемъ самоучителя танцевъ и танцевальн. разговоровъ. Цѣна 1 р. 25 к.
- 4) Физиологія и анатомія человѣка съ приложеніемъ психологіи человѣка. Цѣна 1 р. 50 к.
- 5) Всеобщая исторія, обработанная Сатириконцами. Цѣна 1 р. 50 к.
- 6) „Вѣстникъ Знанія Новаго Сатирикона“. Цѣна 1 р. 50 к.

Карманная библіотека „Новаго Сатирикона“.

- Выпускъ 1-й. Ал. Гринъ. Проишествіе въ улицѣ Пса. Цѣна 50 к.
 „ 2-й. Гр. Алексѣй Толстой. Оріонъ. Цѣна 50 к.
 „ 3-й. Александръ Рославлевъ. Князь изъ Альгамбры. Цѣна 50 к.
 „ 4-й. „ „ Записки полицейскаго пристава. Цѣна 50 к.

Театральная библіотека „Новаго Сатирикона“.

Аркадій Аверченко.

Томъ 1-й. 8 одноактныхъ пьесъ.
Цѣна 2 рубля.

Томъ 2-й и 4-й. Бенгальскіе огни.
Цѣна 2 рубля

Томъ 3-й. Чортова дюжина.
Цѣна 2 рубля.

Томъ 5-й. Безъ суфлера.
Цѣна 1 руб. 50 коп.

Томъ 6-й. Подъ холщевыми небесами.
Цѣна 1 руб. 50 коп.

Тэффи.

Томъ 1-й. 8 миниатюръ.
Цѣна 2 рубля.

Томъ 2-й. Новыя миниатюры.
Цѣна 2 рубля.

Л Ъ Т Н Ы Й С П О Р Т Ъ .

— Знаете, м-ше, я совсѣмъ почти выучился ходить на лыжахъ — только снѣгъ мѣшаетъ.